

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ДЕНЬ, КОГДА
ПРОПАЛА
ВЕРОНИКА

На что ты готова,
чтобы вернуть свою жизнь?

Александра Васильевна Миронова
День, когда пропала Вероника
Серия «Вслед за мечтой.
Романы А. Мироновой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63001027
День, когда пропала Вероника: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-188156-6

Аннотация

Романы Александры Мироновой уже давно полюбились читателям за свой уникальный стиль. В ее романах невероятная любовь переплетена тайнами и интригами, которые держат внимание до последних страниц.

Каждая новая книга – захватывающее приключение, в котором всегда побеждает любовь.

Счастье Дины украла лучшая подруга Вероника. Она вышла замуж за ее жениха, родила ему двоих прелестных детей и переехала в дом, который Дина уже называла своим. Дина же погрузилась в пучину депрессии, потеряла работу и проводит дни в слежке за Вероникой. Когда та бесследно исчезает, подозрение сразу же падает на Дину. Чтобы избежать несправедливого наказания, она решает разыскать бывшую подругу и вскоре понимает, что жизнь Вероники вовсе не была столь радужной,

как казалось. Разматывая клубок чужих тайн, Дина попытается вернуть и собственную жизнь.

Александра Миронова

День, когда пропала Вероника

© Миронова А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство

* * *

В стране катастрофически растет число людей, которые исчезли без следа. Они пропадают внезапно, без объяснимых причин, многие – навсегда. За несколько лет количество пропавших без вести почти удвоилось и превысило астрономическую цифру в 120 тысяч человек. Так, за один только год уходит в никуда население немалого города.

Из 120 тысяч человек, которые пропали только в прошлом году, большинство мужчины – почти 59 тысяч. 38 тысяч – женщины, 23 тысячи – несовершеннолетние и малые дети. Большинство все-таки находят. Живыми. Иногда через месяц, иногда через несколько лет.

Самое страшное – это время. То самое время, что невозможно повернуть вспять, как бы ни старалась.

Марии хотелось закрыть глаза, сжаться до атома и взо-

рваться, словно сверхновая звезда. Чтобы безвозвратно стереть последние семь лет и снова оказаться в точке отсчета, когда все пошло не так.

Погода была под стать ее чувствам. После длительной, изматывающей душу жары, испещрившей трещинами и рытинами и без того порядком поизносившуюся землю, дождя ждали, словно пришествия Мессии. Казалось, что вот-вот он снизойдет на грешную землю и смоем все грехи, но ожидание мучительно затягивалось. Хотя с утра тучи потихоньку подтягивались, превращая небо в шахматную доску. То тут, то там еще мелькали белесые пятна, но на них неотвратимо наползали черные грозовые кляксы, собираясь с силами и готовясь дать человечеству решительный бой.

Гром подавал первые робкие звуки, небо давило, давление падало, хотелось спать и танцевать одновременно. Если бы дождь рухнул прямо сейчас, она, наверное, сбросила бы прилипшую к телу потную одежду и кинулась бы обнаженной под тугие струи. Чтобы смыть все то, чторосло на нее за последние годы, словно песок на скалы.

– А ты так изменилась... – Валера не замечал ее состояния, смотрел пьяным влюбленным взглядом, сократил дистанцию до неприличия, вторгнувшись в «личное пространство».

Так теперь говорили в ее новой стране. Господи, да она и знать не знала таких терминов, пока не переехала. А теперь, за семь лет, отвыкла, что кто-то может подойти на-

столько близко, что можно почувствовать запах кожи, теплое родное дыхание, увидеть мельчайшие подробности – тонкие заломы морщин, которых раньше не было. Пробившуюся за день щетину. Глаза, все такие же светлые и безмятежные, похожие на кубики льда, в которых застыл желтый песок. Глаза хищника. Она забыла, как это бывает, когда подходят настолько близко. Даже маленькую Верочку старалась просто целовать, не заключая в объятия.

Маленькое кафе за два квартала от ее прежнего дома ничуть не изменилось. Даже удивительно, ведь за время ее отсутствия родной город вырос, модернизировался, вытеснил наименее жизнеспособные заведения, заменив их новенькими, безликими. А здесь, в кафе, словно в разбитых песочных часах, время остановилось.

Все те же потрепанные пластиковые стулья – белые и ярко-алые. Те же зеленые поцарапанные столы, которые даже не пытались уберечь скатертями. Безвкусные украшения из пыльных искусственных цветов, выгоревших от солнца и времени, покрывшиеся равномерным слоем пыли.

Кафе напоминало небольшую забегаловку в курортном поселке, что одним видом отпугивает солидных клиентов и случайных прохожих. Возможно, именно за это его и любили постоянные посетители. Кафе было «для своих». Единственный уцелевший оплот постоянства в ее так часто сотрясающемся мире. Здесь даже официантка не изменилась. Только макияж стал чуть ярче, волосы чуть желтее, а в круг-

лых равнодушных глазах плескалось немного больше грусти. Она сразу же узнала Машу, и от этого стало еще горше. Кивнула, словно они вчера расстались, и принесла «как обычно» – крепкий черный кофе без сахара.

Маша даже зажмурилась, на долю секунды поверив, что усилием воли сможет все вернуть назад и поступить правильно. Глупые мечты. Ее реальность была здесь, рядом. Шептала теплым голосом, пахла недорогим коньяком и до боли знакомо улыбалась уголками глаз.

– Красивая стала, взрослая, – продолжал исповедоваться Валера, – дурак я был, Машка, не надо было мне тогда. Если б я только знал, что все так получится.

Маша открыла глаза и отвела взгляд от Валеры, уставившись в облезлую стену с потрескавшейся штукатуркой. Кафе требовался капитальный ремонт, как и всей ее жизни. Как жаль, что личные проблемы и прошлое нельзя исправить с помощью грунтовок и краски.

– Мы ведь с Ирой развелись, да, – хмельно улыбнувшись, с какой-то неуместной молодецкой удалью сообщил Валера, а Маше показалось, что старые стены вдруг качнулись и сейчас обрушатся.

– Развелись? – глупо повторила она чужим сиплым голосом.

– Да, не сложилось у нас. Мальца только жалко, Ирка его против меня настраивает. Ну а ты как? Слышал, замуж вышла, ребенка родила. Все получилось у тебя?

Маша тряхнула головой, отчаянно пытаясь вернуться к реальности. Но не получилось. Муж, ребенок, переезд в другую страну. Жизнь, показательно счастливая, чтобы родители не волновались, — все это было там, за чертой, разделившей ее жизнь после того, как она согласилась встретиться с Валерой в старом кафе, где когда-то и началась их любовь. Разговоры о муже и ребенке казались неуместными.

Валера решил первым:

— К тебе или ко мне?

Маша подняла глаза и в упор уставилась на человека, когда-то сломавшего ей жизнь. Того единственного, кто был способен снова ее починить.

* * *

И не было этих семи лет. Маша все так же плакала от счастья, задыхалась от чувства, которому не могла найти определение. Голова кружилась, увлекая за собой в странную карусель стены и потолок. Кажется, Валера сделал ремонт, или это они вместе с Ириной его делали? Вряд ли бы он сам выбрал обои в цветочек. Предпочел бы ровные белые стены.

В квартире все еще чувствовались рука, запах и иллюзорное присутствие другой женщины. Той самой, которую он когда-то предпочел Маше. Но сейчас это не имело ни малейшего значения. Это все в прошлом.

Они не разговаривали. В такие моменты слова не нужны. Телефон она отключила еще в кафе, безошибочно зная, чем все закончится. Даже если бы Валера не развелся с женой, Маша бы все равно своего добилась.

В последнее время она все острее ощущала потребность почувствовать себя еще раз живой и счастливой. Из всех сил пыталась сопротивляться мраку, что грозился полностью поглотить ее. Все чаще она беспричинно плакала. Иногда ей хотелось громко кричать или завывать, как дикому зверю. Смешно, но один раз она действительно на это решилась. По совету психолога выехала в чистое поле и постаралась там выкричать свою боль. Не помогло, лишь почувствовала себя полной дурой. Что психолог мог знать о них с Валерой? И как он мог помочь исцелить боль от потери?

Был только один способ ощутить бег крови по венам – вознестись наверх и рухнуть со всей высоты, как на дурацком аттракционе. Так, чтобы сердце замерло. И захотелось кричать одновременно от страха и счастья.

Она сказала Мише – своему доброму, нежному, понимающему Мише, – что поедет повидать родителей, соскучилась. Верочку с собой не возьмет, хочет отдохнуть. Миша, как обычно, не стал возражать и задавать вопросы – от чего, собственно, ей надо отдохнуть? Верочка целыми днями в школе, сама Маша не работает – пару частных уроков живописи в неделю, которые она дает, не в счет. Да даже если и подумал, то вслух не сказал. Лишь покорно кивнул. Навер-

ное, в этом и заключался секрет их спокойной жизни. В Мишином понимании.

Маша прижалась к Валере, прогоняя его теплом мысли о муже и дочери. Она совершила ошибку, на перекрестке свернув не туда. И теперь ей за это отвечать. Она будет тянуть свой крест дальше, безропотно. Ведь как там говорил Сент-Экзюпери – «мы в ответе за тех, кого приручили». Хотя сам он этих принципов не соблюдал. Наверное, понимал в глубине души всю глупость собственного постулата. Ведь неужели жизнь и счастье «прирученных» важнее собственных?

Маша крепко зажмурилась, прогоняя опасные мысли.

– Ты чего, Манюня, все хорошо? – Валера чмокнул ее в лоб и потянулся за сигаретами. Худощавый, поджарый, похожий на дикого зверя. По долгу службы он каждый день тренировался в спортзале, бегал и стрелял. В последнее время увлекся марафонами. Полная противоположность мягкому увальню Мише, проводящему день за компьютером, а вечер перед телевизором с бутылочкой пива.

– Да, все отлично, лучше и быть не может, – прошептала Маша и, поцеловав Валеру в загорелый бок, уткнулась ему в подмышку, рукой обхватив сильное тело.

– А это что? – Валера одним ловким движением схватил ее за кисть. Маша не успела отдернуть руку и едва сдержалась, чтоб не выругаться. Вот дура!

– Это... так, ерунда. – Она попыталась поцеловать Валеру,

чтоб изменить ход его мыслей, но потерпела фиаско.

Валера был слишком умным, чтобы отвлекаться на внешние факторы. Мыслил трезво. Поэтому и в жены себе выбрал Ирину, а не Машу. Решил, что она слишком творческая, а ему тяжело жить с фантазиями. И здесь голый расчет его подвел. Маша с трудом удержалась от улыбки, но, взглянув в лицо Валере, осеклась.

Он сидел на кровати, по-прежнему держа Машу за руку, и рассматривал тонкие белые шрамы, которые так и не ушли, несмотря на все ее старания и новомодные кремы, дарившие обещания полного исцеления, но на поверку оказывающиеся сущей ерундой. Разве можно стереть шрамы, которые оставляет сама жизнь?

– Ты зачем это сделала, Маша? – Голос стал серьезным. Мотнув головой, Валера отбросил челку с лица, а Маша снова увидела того мальчика, в которого влюбилась с первого взгляда двадцать пять лет тому назад. Необыкновенно серьезного, в чистой белой футболке, так непохожего на вечно грязных и оборванных хулиганов, живших в их дворе. Она сразу же поняла – он должен быть ее. И все так и было, пока та, другая, не появилась в жизни Валеры, а у Маши на руке, как результат, не появились шрамы.

– Потому что ты меня бросил. – Маша внезапно почувствовала себя взрослой и смелой, той, кто может сказать правду, не заботясь, что о ней подумают.

– Ты что, дура, Маша? – опешил Валера и запустил ла-

донь в волосы. И снова защемило сердце. Маша, потянувшись, словно кошка, крепко прижалась к нему.

– Дура, да, потому что жить без тебя не могла, – прошептала в самое ухо.

– А сейчас можешь? – через несколько мгновений спросил Валера, переводя взгляд на Машу.

Она действительно очень изменилась за то время, что они не виделись. Из глупого котенка выросла в грациозного зверя, такого независимого, самостоятельного, чужого и от этого еще более привлекательного.

Темные густые волосы ртутью стекали по плечам, подчеркивая бледность кожи. Бордовые, словно перепачканные в рубиновом вине губы и черные глаза, похожие на спелые маслины. Все это навевало мысли о жарком полдне где-нибудь на юге, когда хочется откинуть груз проблем и с головой уйти в пылающую, хмельную любовь. Маша – это чувства, эмоции, энергия и нулевое рацию.

Наверное, ему действительно следовало остаться с ней, его способности мыслить трезво хватило бы на двоих. Но тогда его пугали и даже слегка напрягали ее верность и преданность. Ее желание следовать за ним повсюду, словно преданный пес за любимым хозяином. Ее неспособность сказать ему «нет». Маша исполняла любые его желания, даже самые сумасбродные. Она его боготворила. А ведь, как оказалось, ощущать себя богом чертовски приятно.

Ему даже не хватало этого ощущения в первое время.

Ведь Ира такой не была. Ирина сама царила на вершине пантеона и лишь снисходительно позволяла себя любить. Разрешала добиваться, завоевывать.

Именно это и привлекло его тогда. Кто станет охотиться на домашнюю утку, если в перспективе маячит дикий селезень? Так он за ней и охотился все семь лет. В итоге его добычу подстрелил куда более опытный охотник.

Конечно, в процессе охоты были и другие, попроще. Лисы, зайцы, лемминги, полевки. А вот Ира ускользнула, став чужим победным трофеем. Эта бесконечная борьба измотала его. Пора было сделать перерыв и снова почувствовать себя божеством.

Ира бы никогда не стала резать из-за него вены, а вот Маша это сделала. Валера вдруг почувствовал животную потребность подмять ее под себя, стереть с нее запах другого владельца. Она всегда была его собственностью и должна была ею оставаться.

Он грубо привлек Машу к себе и, поцеловав, снова бросил на кровать.

– Я ошибся, – прошептал он ей несколько минут спустя, снова пережив острое наслаждение. И ловко закинул крючок: – Как я могу все исправить?

– Никак... – Он почувствовал, как его рука, которой он гладил Машу по лицу, стала влажной.

Она беззвучно плакала.

Мы не можем повернуть время вспять. Не можем развя-

зять стянутый в запутанный узел клубок судьбы. Не можем отменить жизнь.

– Это невозможно исправить.

* * *

Родителям она сказала, что уехала раньше, потому что Верочка заболела. Мама, конечно, начала волноваться и совать банку домашнего малинового варенья. Но за этим волнением чувствовалась скрытая радость – ее легкомысленная, непутевая дочь все-таки стала хорошей матерью. И про родителей не забывает. А самое главное, ее большая любовь в прошлом. Ведь будь это не так, Маша бы непременно постаралась задержаться в городе подольше. А тут вот даже билет поменяла, чтобы поскорее к мужу и дочери вернуться. Наконец-то поняла, в чем в жизни счастье.

Маше даже пришлось разыграть в аэропорту спектакль с проводами. Расцеловав родителей и убедив их не провожать до последней черты, Маша свернула в ближайший туалет, откуда позвонила мужу и соврала, что отец плохо себя чувствует, поэтому она немного задержится. Миша, как обычно, не возражал.

Валера забрал ее из аэропорта час спустя.

Эта неделя была выдана им кем-то щедрым на небесах, в награду за все страдания и потерянное время. И Маша, наслаждаясь каждой секундой рядом с Валерой, занима-

лась самообманом. Уверяла себя, что насытится, насытит-ся его теплом, пропитается запахом и этого ей хватит еще на несколько лет. В идеале на десять. Когда Верочка вырастет и поступит в университет, она сможет уехать, вернуться сюда, на родину.

Хотя Валера и предложил ей развестись и даже собирался растить девочку как собственную, Маша отказалась. Умом она понимала, что в Европе Верочку ждет лучшее будущее. Девочка вырастет, поступит в университет, встретит хорошего парня, которого будет любить и с которым вместе состарится. Она, Маша, просто обязана дать ей все это, чтобы хотя бы немного искупить то ужасное чувство, точившее ее каждый раз при взгляде на дочь. Чувство вины за то, что она так и не смогла полюбить эту девочку, так похожую на папу. Ведь это должна была быть дочь Валеры, а не Миши. Она вообще не должна была рожать от другого. Это было предательством того, для кого она была создана. Но она непременно еще родит Валере ребенка. Сына. Время у нее еще есть.

Валера был готов ждать, признавался в любви, говорил, что жизни без нее не представляет. Втайне от любимого она записывала все это на телефон. Будет слушать, когда станет совсем тяжело. А в том, что будет тяжело, она была уверена.

* * *

Про мужа Маша старалась не вспоминать до того момен-

та, как увидела его в аэропорту – такого высокого, мягкого, похожего на игрушечного медведя. В руках традиционный букет розочек – он всегда встречал ее с цветами и дарил их после каждой ссоры. Сейчас Маша и не могла вспомнить, с какого момента возненавидела живые цветы.

– Как папа?

Маша ловко уклонилась от мокрого поцелуя мужа, неуклюже клюнув его в щеку и крепко обняв дочь. Надо будет ограничить ей сладкое и мучное, у Верочки уже наметилась фигура отца. Только этого не хватало. Хватит того, что она унаследовала его внешность – белесая, бесцветная, так похожая на местных обитателей.

– Нормально, – после секундного замешательства ответила Маша, чуть не выдав себя с головой. Она уже успела забыть, что наврала мужу. – Обошлось.

– Я припарковался на дальнем паркинге, рядом мест не было, просто пик сезона. – Миша, не переставая улыбаться, ловко подхватил чемодан жены и, словно атомный ледокол, вонзился в разномастное человеческое море, начав прокладывать путь к выходу.

Маша и Вера последовали за ним, надежно укрывшись за широкой спиной.

– Ты прекрасно выглядишь, какая-то другая, – шепнул ей муж, открывая перед Машей дверь машины и ожидая, пока она сядет в салон.

– Мама, а ты можешь сесть рядом со мной? – жалобно

попросила Верочка, покорно залезая в автокресло, стоящее на заднем сиденье.

– Милая, ты же знаешь, что меня сзади укачивает, – смалодушничала Маша, садясь на переднее сиденье и едва не задохнувшись – вся машина пропиталась Мишиным запахом. Она приоткрыла окно и сделала жадный глоток воздуха.

До дома доехали молча. Даже дочка смотрела в окно, не проронив ни слова, чтобы ничем не нарушить мамин покой. Она уже четко уяснила, что если мама не хочет с ней общаться, то лучше на этом не настаивать, иначе накажут.

Их небольшая квартира на втором этаже добротного четырехэтажного дома была похожа на рекламу бюджетного средства для мытья полов. Миша сделал уборку накануне, а Верочка ему в этом помогала, о чем она робко сообщила матери, стоило им переступить порог квартиры. Маша молча потрепала дочь по голове и направилась в спальню, чтобы сбросить и спрятать в шкафу одежду, все еще хранившую запах Валеры. Стирать она ее не будет. Возможно, это хоть как-то поможет ей выжить.

Быстро переодевшись и накинув легкий халат – в душ, немедленно, пока не разрыдалась на глазах у семьи, – Маша окинула быстрым взглядом спальню. Ее родителям, всю жизнь прожившим в небольшой двухкомнатной квартире с проходной комнатой, их с Мишей жилье показалось пределом мечтаний.

Две отдельные спальни и просторная гостиная, объеди-

ненная с современной кухней столовым пространством. Маму привели в восторг два отдельных туалета и душа. Она была счастлива, не понимая, что в новой стране такая вот роскошь стоит чуть ли не на последней ступени в социальной иерархии. И позволить ее себе могут даже самые небогатые люди.

Роскошь — это дом с собственным парком, а их две отдельные спальни — это так, ничего выдающегося. Впрочем, выбор жилья был их обоюдным решением. Недавно Миша сменил работу. За те два года, что он набирался опыта в небольшой компании, он вполне прилично выучил язык, в отличие от Маши, и смог претендовать на хорошую позицию в крупном международном холдинге. Пройдя скрупулезный отбор, Миша был назначен руководителем небольшого подразделения, и они впервые смогли позволить себе купить запас еды на неделю, не глядя на ценники и не высматривая приевшуюся табличку «акция».

В честь повышения муж купил Маше ювелирный комплект с полудрагоценными камнями и даже предложил переехать в квартиру побольше в более престижном районе. Верочка пошла в первый класс, и Мише хотелось, чтобы она училась в одной из центральных школ. Но Маша предложила мужу потерпеть и накопить на собственное жилье. Жили же они в этом районе, и неплохо жили, познакомившись с пестрыми соседями, галдевшими на всех языках мира, но неизменно приветливо улыбающимися их белокурой дочери.

Иногда ночами, дождавшись, пока муж уснет, Маша в тоске бродила по ставшему родным району, и ей никогда не бывало страшно, несмотря на то что место считалось неблагополучным и даже полиция неохотно выезжала сюда на вызовы. Возможно, крылось в ней некое безумие, отпугивавшее мелких преступников. К такой подойди с ножом, так она сама тебя зарежет.

Единственное, что могло бы заставить ее сейчас переехать, – это старый дом с большими окнами. Давнишняя мечта. Маша даже была согласна на руины в нежилом состоянии, вроде тех, что показывали в британском шоу, которое она любила посмотреть в часы бессонницы, мечтая, что когда-нибудь сама займется реставрацией и ремонтом.

Маше казалось, что, став хозяйкой большого старого дома и погрузившись в хозяйственные хлопоты, она сможет отвлечься и немного примириться с действительностью. Но, вернувшись из родной страны, она отчетливо поняла – не сможет. Ей не нужен дом, не нужна реставрация, и даже парк, в котором можно было бы писать картины, не нужен. Ей ничего не нужно без Валеры.

– Мама, давай поиграем. – Верочка робко постучала в приоткрытую дверь, заставив Машу стряхнуть оцепенение. Поплотнее запахнув халат, она направилась к двери. Резко толкнула, едва не задев дочь.

– Вера, маме надо в душ и отдохнуть, а потом поиграем. – Стараясь не замечать расстроенного личика, Маша ре-

шительным шагом направилась в ванную. Нет, не душ, ей надо полежать в горячей воде, укутавшись в ароматную пену, и немного прийти в себя.

– Мама, а мы с папой печенье тебе вчера испекли, хочешь одно?

– Потом. – Маша ускорила шаг, дочь начинала действовать на нервы.

– А еще папа говорил, что мы все вместе сегодня пойдем в ресторан, – не сдавалась Верочка, хвостом следуя за матерью.

– Вера, все потом. – Тело и душа молили об уединении, а Миша, как назло, вернулся к машине, чтобы достать чемоданы. Почему он не взял Верочку с собой? Неужели он не понимает, что ей нужен отдых после перелета? Маша почувствовала, как глухое раздражение, шкворчавшее в груди последние пару лет и погасшее лишь на время ее поездки, снова вернулось и вытеснило то, что должно было находиться в области сердца, – любовь, нежность, терпение и понимание. Она сделала глубокий вдох, стараясь не закричать. Нельзя так. Они ведь долго не виделись с дочерью. Она старше, она умнее, должна понимать, что Вера всего лишь ребенок, скучающий пусть по непутевой, но матери.

– Верочка, а давай я тебе мультики включу? – Маша сделала несколько шагов по направлению к небольшому столику, на который они складывали различную мелочовку – ключи, телефоны, пульты. Но не успела она взять в руки нужный

ей прибор, как Вера, ее тихая, нежная Вера, вдруг закричала, впадая в настоящую истерику:

– Я не хочу мультики! Надоело! Я хочу гулять и в ресторан!

– А ну, прекрати орать! – немедленно поддалась на провокацию Маша, повышая голос, чтобы перекричать дочь. Но послушная, робкая Верочка за долю секунды превратилась в неуправляемое чудовище.

– Ты плохая! – войдя в раж, продолжала кричать она. – Плохая, плохая!

– Что? – Ослепленная гневом, отчаянием и собственным бессилием, Маша автоматически занесла руку для удара, но что-то жесткое и сильное парализовало ее. Едва не упав, Маша взмахнула свободной рукой в воздухе, разворачиваясь и оказываясь лицом к лицу с мужем.

– Нет, – тихо, но в то же время властно и как-то по-новому отрезал Миша, – ты ее не ударишь.

Несколько секунд муж смотрел ей в глаза, и Маше вдруг стало холодно. Что-то изменилось. Они все изменились. Она закрыла глаза, досчитала до пяти и ровным голосом попросила:

– Отпусти меня.

Муж немедленно выполнил ее просьбу и, в два больших шага преодолев пространство небольшой гостиной, подошел к дочери. Подхватил, словно раненого воробушка, на руки и, прижав к груди, начал гладить по голове и тихонько успо-

каивать:

– Ну-ну, малышка, ну ты чего? Мама просто устала, ей надо отдохнуть.

– Я хочу гулять и в ресторан, – продолжала заходиться Верочка, а Маша собиралась сказать, что так нельзя, что Миша разбаловал девочку, что она не знает слова «нет» и растёт эгоисткой, но вместо этого она просто вернулась в спальню, скинула халат, рывком достала из шкафа спрятанные «Валерины» вещи и, скользнув в джинсы и рубашку, выбежала из дома, прихватив в прихожей кроссовки.

Обулась в подъезде, стараясь не закричать в голос, чтобы заглушить вопли Верочки, продолжавшие отталкиваться эхом от тишины вечно сонного дома. Чего доброго, соседи полицию вызовут и обвинят их в жестоком обращении с ребёнком.

Истерический смешок сам собой вырвался из груди, и Маша поспешила закрыть рот рукой. Толкнув тяжёлую дверь, она вырвалась из подъезда и побежала что было мочи, жадно вдыхая прохладный горьковатый воздух и чувствуя, как потихоньку начинают гореть лёгкие. Когда воздуха стало не хватать, она немного сбавила темп, решив направиться в сторону заправки, стоящей на выезде из города.

В том направлении мало кто решался гулять по вечерам, даже собачники избегали извилистой тропинки, что вела через небольшой парк к скоростному шоссе, на обочине которого и находилась заправка.

Она добежит туда, выпьет кофе (все равно не уснуть!) и переведет дух. Маша похлопала рукой по карманам – звякнула мелочь. Хорошо.

Маша перешла на размеренный бег и нырнула в прохладную темноту парка. Реши она просто сократить путь и понадеяться на то, что благополучно минует недоброе место, ей бы обязательно не повезло. Наверняка столкнулась бы с кем-то из наркоманов или тех, кто снабжает их отравой. Но сегодня она была бы рада проблемам. Ей даже хотелось встретить отморозка и, вцепившись в него, выместить всю боль и ярость.

Естественно, парк она благополучно миновала и, выбежав к заправке, перешла на шаг, пытаясь восстановить дыхание.

В поздний час возле многочисленных колонок практически никого не было. Лишь запоздалый бургер садился в уже заправленную семейную машину, чтобы отправиться в теплую уютную квартирку, где его ждет такая же теплая, уютная жена. Такая, какой Маше никогда не стать.

Два огромных трака, перевозившие по ночам продукты для супермаркетов, стояли в специально отведенном для них месте. Сквозь огромные стеклянные окна заправки было видно молодого продавца, маявшегося от скуки в ночную смену.

Отдышавшись, Маша зашла в стеклянный домик, в котором уютно разместились небольшое кафе, магазин со всякими мелочами и касса заправки. Заказав черный кофе, она

умостилась на высоком стуле, стоявшем в укромном уголке, скрытом от глаз продавца продуктовыми полками, и принялась глазеть в темноту, точечно подсвеченную фонарями.

Воспоминания нахлынули помимо воли. Каждый взгляд, вздох, слово. Свет фонарей расплылся, и Маша поняла, что плачет. Смахнув непрошеные слезы, она попыталась глубоко дышать и не думать о том, как она вернется домой. Может, ей стоит погулять до утра, дожждаться, когда Миша и Вера уедут на работу и в школу, и тогда вернуться? Ну хорошо, ночь и день она выиграет, а дальше что?

Не сдержавшись, Маша снова всхлипнула и тут же закрыла рот рукой. Не хватало еще разреветься здесь.

– Не плачь, подруга, все будет хорошо!

Высокая, симпатичная, хорошо одетая девушка примостилась на соседнем стуле. В руках бумажный стаканчик с чем-то приторно сладким, не похожим на кофе. Откуда она взялась? Машины ведь не подъезжали к заправке, Маша бы увидела. Тоже пришла из леса, как она?

За их спинами раздались мужские голоса. Маша оглянулась, чтобы увидеть, как парнишка-продавец передает крижистому мужчине лет пятидесяти две пачки сигарет. Быстрый взгляд на свою неожиданную собеседницу, и мысль еще не успела оформиться в голове, как девушка кивнула:

– Да, я тут работаю. За ночь один-два голубчика заглянут на огонек, так что работа не пыльная. Ну и не обижают меня, в основном одни и те же приезжают. Я тут две-три недели

постою, плюс на дому приму кое-кого, а потом радую себя.

Девушка поспешно стянула с себя короткий пиджачок и вывернула его наизнанку:

– Смотри, «Шанель», настоящая!

Маша, не скрываясь, внимательно посмотрела девушке в лицо. Они были чем-то похожи. Обе невысокие, темноволосые, белокожие. Вот только в отличие от растрепанной зареванной Маши девушка была обильно покрашена и одета в дорогие вещи.

– Ты что, занимаешься этим ради шмоток? – неожиданно для самой себя выпалила Маша.

Непрошенная собеседница показалась милой и даже родной, такая же мятущаяся душа, не созданная для спокойной семейной жизни.

– Ну нет, – нараспев возразила она, – ты не понимаешь, это не просто шмотки. – Девушка деловито надела пиджак и с удовольствием взглянула на свое отражение в стекле. Любовно погладив мягкую ткань, чуть приподняв голову и прищулив глаза, она победоносно взглянула на собственное отражение. – Понимаешь, это уважение. Тут я работаю по ночам, а днем, в перерывах между «голубчиками», я хожу по улицам, и все эти люди смотрят на меня и думают, что я жена какого-нибудь важного человека. В ресторане официанты бегут ко мне принять заказ, а в бутиках, куда я захожу присмотреть себе что-нибудь новенькое, продавцы всегда предлагают мне кофе. Я сижу на их мягких диванах, дышу

этим особым воздухом больших денег и чувствую себя человеком. Раньше у меня никогда такого не было, я даже в ресторан боялась зайти сама и пообедать. Разве что кофе где-нибудь на террасе пила. Так что это не просто шмотки, понимаешь?

Мария кивнула. Каждый заполняет пустоту собственной жизни как может. Кто-то любовью, кто-то работой, кто-то детьми, а кто-то вещами. В этом нет ничего плохого. И хорошего тоже нет.

Некоторое время они молча цедили свои напитки по крошечному глоточку, глядя на собственные отражения в стекле. Нарядная ночная бабочка и несчастная домохозяйка.

– Ты будешь здесь завтра? – Маша дружелюбно улыбнулась девушке. Забавно, это первый человек, с которым ей удалось спокойно поговорить, не подыскивая нужных слов, без натужной улыбки, напряжения и страха сказать что-нибудь не так. Может, они подружатся? А что? Ей так отчаянно не хватает близкого человека.

– И завтра, и послезавтра, – подмигнула девушка, заметив, что на стоянку заехала очередная фура.

Изящно соскользнув со стула, она направилась к двери, помахав новой знакомой на прощание. Двери расплылись в стеклянной улыбке, выпустив девушку на улицу, и та, легонько покачивая бедрами, направилась к стоянке, к очередному «голубчику» и очередной красивой вещи.

Маша, одним глотком допив остывший горький кофе

и пожелав продавцу доброй ночи, последовала за ней. Преодолев заправку, она свернула в парк. Рука сама потянулась к телефону, хотя она клялась себе не звонить ему и не писать и даже на всякий случай удалила его номер из телефона. Но это было лишь позерство и фиглярство. Конечно же, номер она помнила наизусть.

Набрав не глядя и услышав сонное «алло», сообщила:

– А я только что познакомилась с проституткой, которая любит «Шанель».

– Ты сумасшедшая, – выдохнул Валера, она увидела, как он, встревоженный звонком посреди ночи, снова расслабляется и падает на подушки, закрывает глаза с пушистыми ресницами, чтобы заснуть под звук ее голоса, как это было много раз.

– Я знаю, – тихо засмеялась она, вступая в густые тени парка, которые через пару часов начнет разгонять солнце. Она шла медленно, стараясь растянуть каждое мгновение, только чтобы слышать его дыхание и мягкий голос. – Я скучаю.

– Я тоже, малыш. Бросай все и приезжай ко мне.

– Я не могу, ты же знаешь, мы это уже обсуждали, Вера...

– Ну что Вера, как у нас люди живут, растут, чего-то в жизни добиваются и даже вполне счастливы? Захочет – вырастет и уедет за границу. – Валера снова завелся. Пожалуй, их совместное будущее было единственной темой, по которой они не могли договориться. Валера считал, что Маше с дочерью

надо вернуться, а та не могла и не хотела ломать жизнь мужу и ребенку.

– Валера, я люблю тебя. – Она постаралась, чтобы слезы в голосе не были слышны.

– Тогда не рви мне душу, Маша.

Она не успела ничего ответить, как в трубку полились гудки.

Маша не помнила, как добежала до дома. Кажется, некоторое время она просто бежала куда глаза глядят, путаясь между домами, не узнавая давно исхоженных троп. Чувствовала себя зверем, попавшим в ловушку, которого того и гляди загонит гончая, а затем охотник собьет одним точным выстрелом.

Ей бы и хотелось, чтобы в одну секунду все оборвалось, потому что выносить эту боль она была не в силах. Добежав до небольшого питьевого фонтана, заботливо украшенного горшком с полыхающей геранью, она опустила разгоряченное лицо в ледяную воду, но вместо того, чтобы вскрикнуть от болевого шока, рассмеялась, едва не задохнувшись водой. С трудом отдышалась и попыталась унять неуместный смех. Господи, никто ее не пристрелит, тут ведь даже охотников нет, все зверюшки, включая ее саму, под охраной.

До своего подъезда Маша добралась на рассвете. Прогнорировала удивленный взгляд пожилого соседа, вышедшего на раннюю прогулку с псом. Лишь кивнула и отвела глаза, чтобы избежать ненужных разговоров. Разулась перед

дверью, чтобы не разбудить дочь с мужем, и тихонько скользнула в открытую дверь – Миша так и не закрыл после ее ухода. Дурацкая привычка доверять всему миру.

Муж не спал. Сидел на кухне перед чашкой с остывшим чаем. Не обернулся, когда она вошла и подошла к окну, в которое уже начало пробираться сентябрьское солнце.

– Пожалуйста, не бросай меня.

Ей даже показалось, что она ослышалась. Но Миша повторил еще раз и, резко встав со стула, в два шага преодолел покрывшееся льдом пространство между ними, обнял неподвижно стоявшую жену.

– Пожалуйста, не бросай меня. Ты ведь обещала. Мы оба обещали. Мы должны Верочке, мы сможем, я все прощу, только не бросай. Я тебя никому не отдам, слышишь? Мы так долго к этому шли, мы ведь начали жизнь сначала, у нас все хорошо, – беспомощно забормотал он, прижимая пропахшую бензином и горьким сентябрем Машу к себе, а та наконец дала выход слезам.

– Вам будет лучше, если меня не станет, – пытаюсь не задохнуться, возразила она.

– Возможно, – в звенящей тишине подтвердил Миша и наконец-то взглянул жене в глаза, – потому что мы не сможем жить, зная, что ты нас бросила. Понимаешь?

– Да, понимаю, – через какое-то время кивнула Маша. Она действительно все понимала. Никто не оборвет агонию, не пристрелит из жалости загнанную лошадь. Разве что она

сама убьется.

– Скажи, что мне сделать? Хочешь, кольцо тебе куплю с большим бриллиантом? Или поедem в кругосветное путешествие? Наплюем на деньги, да и есть они на самом деле. Давай? Только ты и я? Попрошу родителей за Верочкой при-смотреть или отправим ее к твоим? Как тебе такая идея?

– Ничего мне не нужно, – захлебнувшись очередным приступом слез, прошептала Маша, прижимаясь к человеку, успевшему стать родным за все эти годы, – я вас не брошу, не переживай.

* * *

Что ей было терять? Жизнь? Но ведь она и так была мертва. Мертва, когда смотрела, как танцует и поет ее дочь, когда слушала наивные детские рассказы о первых радостях и печалях. Глубоко внутри она вяло завидовала Верочке, хотела бы оказаться на ее месте, когда рядом есть взрослый, который может о тебе позаботиться и, поделив мир на черное и белое, легко и просто рассказать, как будет «правильно» и «хорошо». Рассказать, как лучше выйти из сложной ситуации и как поступить, чтобы обойтись наименьшими потерями.

Детство никогда не вернется, а с ним и теплое ощущение такого простого и всеобъемлющего счастья. Есть лишь одно место в мире, где она снова могла почувствовать себя ма-

ленькой девочкой и спрятаться от всех невзгод, но это место было для нее закрыто. И все чаще она задавала себе вопрос, а был ли смысл жить еще где-то, помимо этого самого места.

Вначале у нее не было ответа на опасный вопрос, но затем он, конечно же, появился. Написав черной несмываемой краской на выжженной белой доске, в которую превратилась ее душа: «Нет».

Если не рядом с ним, то нет смысла жить где-то еще.

Она пыталась поговорить об этом с психологом, но он зачем-то стал спрашивать ее об отношениях с родителями, а потом предложил пойти на консультацию к психиатру, сообщив почти интимным шепотом, что только тот сможет выписать ей подходящее лекарство. Кажется, она тогда рассмеялась. Как лекарством можно заполнить душевную пустоту? Они хотят превратить ее в растение, пускающее слюни на сентиментальные мелодрамы и восторженно хлопающее в ладоши при виде кривобоких шедевров собственного ребенка. Нет, не выйдет. Она видит их насквозь.

Маша пыталась рассказать о том, что она не создана для материнства. Постыдная правда, которую принято скрывать. Чтобы окружающие не узнали, какое ты чудовище на самом деле. Ведь если в тебе нет материнского инстинкта, значит, ты генетический брак, ошибка природы, не имеющая права на существование.

Ее собственная мама была прекрасной, любящей, заботливой матерью, вознесшей дочь на пьедестал. А вот на ней,

Маше, природа дала сбой. Ведь она так и не смогла полюбить ребенка от нелюбимого человека.

Иногда такое случается. Материнский инстинкт не всем женщинам раздается по умолчанию, кто-то напрочь его лишен. Но очень немногим хватает смелости открыто заявить об этом и выдержать избиение камнями, что неизменно обрушится, стоит лишь заикнуться, что ты не хочешь детей. Отчаянных смельчаков (забавно, но в русском языке у слова «смельчак» нет женского рода) единицы, но и они, Маша была уверена, впоследствии горько жалеют, что решились сообщить миру о своем нежелании обзаводиться потомством. Большинство такие же малодушные трусихи, как она.

Трусливо рожают, потому что так надо. А кому надо, и сами толком не знают. Психолог что-то там твердил про паттерны и чувство ответственности. Больше она к нему не ходила.

Она лежала ночами рядом с Мишей, иногда дарила ему любовь, неизменно представляя на его месте Валеру. Валеру, не отвечающего на ее звонки и сообщения. Лишь написавшего кратко: «Делай выбор, я так больше не могу» – и пропавшего.

А она могла? Нет, она тоже не могла. Мысль о том, что ее смерть лишь облегчит жизнь окружающим, прочно угнездилась в голове и крошечным гвоздиком прорывала тонкий путь к сердцу.

Вначале она отвергла ее – здоровая психика блокиру-

ет любую опасность, несущую угрозу жизни и здоровью. Но она, возможно, нездорова, потому что спустя некоторое время мысль о собственной смерти перестала казаться столь уж фантастической. Ей даже понравилось с ней играть, красочно воображая, как все произойдет.

Что бы она выбрала? Таблетки? Нет, здесь не продадут без рецепта такие таблетки, которые могли бы отправить ее на тот свет.

Броситься с крыши? Не вариант – несколько секунд до финала заставят ее испугаться и раскаяться, а ей не хотелось умирать вот так. Голова должна быть чистой, а сердце до последнего помнить самые сладкие моменты. Умирать нужно с любовью, а не со страхом.

Вначале Маша, конечно же, гнала подобные мысли прочь. Пыталась подпитываться энергией Верочки, изо всех сил старалась разглядеть хорошее в муже. Но в то время как мозг фиксировал, как все на самом деле прекрасно, сердце молчало. Биться оно начинало лишь тогда, когда она по привычке набирала номер Валеры, даже понимая, что он не ответит.

Она даже обдумывала мысль о том, чтобы покончить с собой в момент, когда будет звонить Валере, но тут же отменяла ее. Наверняка начнутся полицейские разбирательства, посмотрят последние звонки с телефона. Нет, Миша и Вера этого не заслуживают, на них и так обрушатся горе и страдание. Телефон придется уничтожить до того, как все произойдет. Она, пожалуй, утопит его в небольшом озере в пар-

ке возле дома.

Каждый день она собиралась сделать это, когда выходила на прогулку. Специально делала крюк, чтобы пройти мимо кукольного водоема, окруженного аккуратными клумбами, но рука не поднималась. А вдруг он позвонит? А вдруг? Дни убегали словно облака, которые разгонял сердитый осенний ветер, надежда становилась все призрачней, но еще теплилась.

Единственным, кто знал о Валере, была ее новая подруга, обслуживающая по ночам дальнобойщиков на заправке. Смешно, но ее звали русским именем – Таня. Хотя в роду у нее русских не было, так, по крайней мере, она утверждала. Ее мать говорила, что ее отцом был рок-музыкант, но поручиться за это Таня не могла. Мама была еще та – Таня характеризовала ее всегда крепким непечатным словечком. Они не общались с тех пор, как Тане стукнуло шестнадцать и она сбежала из дома с парнем, обещавшим на ней жениться и провести рядом всю жизнь. Не то чтобы она его сильно любила, просто была готова на что угодно, лишь бы не стать такой, как собственная мать.

Но парня быстро поймали и отправили домой к родителям, больше она его не видела. Он лишь передал ей короткую записку: «Прости», а она, пожив некоторое время у друзей и знакомых, исчерпав лимит их гостеприимства, решила подзаработать на жизнь тем же, чем и мать.

– Это временно, – твердила Таня почти каждую ночь, рас-

прощавшись с очередным «голубчиком» и делая глоток при-
торно-сладкого кофе, густо сдобренного химическими слив-
ками. – Вот скоплю денег, сниму квартиру с видом на парк,
пойду в университет учиться на психолога. У меня талант,
люди любят рассказывать мне про свои проблемы, – неиз-
менно хвастливо добавляла она.

В этом Таня не обманывала. Она действительно была пре-
красным слушателем, куда лучшим, чем профессионал, рав-
нодушно поглядывающий на часы и старающийся отстра-
ниться от черных волн безысходности, которые выплескива-
ли на него ежедневно незнакомые люди. Таня была добра,
она искренне сопереживала. Именно ей Маша и рассказала
про Валеру.

– Почему ты не уедешь к нему? – спросила подруга, когда
Маша закончила свою горькую и нелепую историю.

– Я замужем, и у меня есть ребенок, – покачала она голо-
вой.

– Он что, не хочет жить с твоим ребенком? – удивилась
девушка.

– Нет, что ты! – кинулась Маша на защиту любимого. –
Просто... точнее, это все не просто. Моя дочь, она обожает
отца, она уже не совсем малышка, ей будет сложно это объ-
яснить, я и так не слишком добра к ней. Да и мой муж очень
хороший человек, он не заслуживает этого. И мои родители
просто не переживут, они и так не любят Валеру. – Маша на-
конец-то сформулировала для самой себя причину, по кото-

рой она до сих пор была здесь, а не на другом конце земного шара, рядом с тем, кого любила больше жизни.

– Ты говоришь о других, а как же ты? – помолчав, спросила Таня.

– Но ведь у нас всех есть какие-то обязательства перед другими, – слишком бурно, словно сама в это не веря, возразила Маша.

– А перед собой?

– Что перед собой?

– Перед собой у тебя какие обязательства? Ты разве не хочешь сделать себя счастливой?

– Очень хочу, – выдохнула Маша и даже рассмеялась от горечи ситуации, – но понимаешь, если я сейчас разрушу семью, то вряд ли смогу быть счастлива, дочь будет постоянно напоминать мне об этом. Скорее всего, она не найдет общий язык с Валерой, мы начнем ссориться, и он раскается в том, что впустил нас в дом.

– Ну и что? – легкомысленно пожала плечами Таня. – Ты не можешь знать, как все будет, но точно знаешь, что хотя бы некоторое время ты побудешь счастливой. А потом, может, ты сама его разлюбишь и разочаруешься. Знаешь, как это бывает? Может, он просто блеснит на расстоянии.

– Нет, это невозможно, – покачала головой Маша и снова уставилась в темноту, время от времени подмигивающую ей огнями проезжающих из ниоткуда в никуда автомобилей.

Миша втайне от нее позвонил ее матери, чтобы узнать,

что случилось во время поездки. Что заставило Машу так измениться по возвращении. Да и узнать, как себя чувствует ее отец. В ответ удивленная мать поведала, что Миша что-то путает, ведь Маша улетела раньше оговоренного, потому что торопилась к болеющей дочери. И с ее отцом все в полном порядке.

Все это Миша рассказал ей сам и добавил, что он ничего не сказал ее матери о том, что на самом деле Маша вернулась позже. И спрашивать, где она была, он тоже не будет.

За это Маша возненавидела его еще больше. Валера наверняка разбил бы ей лицо или выставил из дома. Она даже на несколько мгновений задумалась о том, какой была бы его реакция. Что бы это ни было, она бы это прочувствовала. Валера бы точно не стал строить из себя святого и многозначительно молчать. Валера. Даже его имя, произносимое про себя, отзывалось тупой болью где-то под лопаткой и мешало дышать. Без него жизнь становилась все тоньше и призрачней, и вскоре в ней не осталось ни малейшего смысла.

В один из вечеров она принесла Тане всю свою «выходную» одежду.

– Вот, возьми, я почти не носила. Если вдруг не понравится, то просто выбросишь. Но я надеюсь, что хотя бы что-то тебе подойдет.

– Это что, настоящее? – Таня немедленно запустила руку в большой бумажный пакет, украшенный логотипом известного модного дома, – на прошлый день рождения Ми-

ша подарил ей возможность купить все, что душа пожелает, в большом аутлет-центре. И пускай это были прошлогодние коллекции, но они были действительно пошиты известными домами мод. Девушка извлекла мягкую замшевую куртку пронзительно-желтого цвета, украшенную золотистой монограммой.

– Да, – кивнула Маша и даже улыбнулась, увидев неприкрытую радость на лице новой подруги, – здесь все настоящее, можешь не сомневаться.

– Ты думаешь, я не могу отличить? – на секунду оскорбилась Таня, а затем с сожалением засунула куртку назад, предварительно аккуратно сложив и любовно проведя пальцем по швам. – Я не могу это взять. Это слишком дорогой подарок.

– Возьми, пожалуйста, иначе это все придется выбросить, мне это не пригодится.

– Эй, ты что это задумала, подруга? – нахмурилась девушка, и Маша впервые разглядела морщины, слишком глубокие для Таниного юного возраста, оставленные многочисленными «голубчиками», использовавшими ее тело. Эти морщины не могли разгладить даже лучшие модельеры мира.

– Ничего, – пожала плечами Маша. – Просто мне хотелось, чтобы ты порадовалась, раз уж я не могу.

– И тебе их не жаль? – вздохнула Таня, косясь на пакеты.

– Бери давай, – рассмеялась Маша, а ее подруга, проигно-

рировавшая очередного «голубчика», зашедшего выпить крепкий кофе и многозначительно уставившегося на девушку, сдалась и, поставив пакет на соседний стул, жадно принялась рассматривать сокровища. Натянула желтую куртку прямо поверх огромного свитера, с трудом просунув руки в узкие рукава и, вскочив со стула, закружилась вокруг себя, приплясывая.

– Ну, как мне? – восторженно поинтересовалась Таня, любясь собственным отражением.

– Как на тебя сшита. – Маша улыбнулась при виде такой искрящейся радости.

Некоторое время спустя, взглянув на часы, показывавшие полночь, Маша соскользнула со стула и, расцеловав подругу в обе щеки, попрощалась.

После неожиданного признания мужа она дала ему слово, что будет возвращаться домой сразу после полуночи. Он в ответ пообещал не возражать против ее ежевечерних прогулок. Он ведь понятия не имел, что каждый раз, возвращаясь домой, она набирала номер Валеры, чтобы послушать гудки. Интересно, отключает ли Валера телефон на ночь или просто выключает звук, чтобы утром увидеть пропущенные вызовы? Маша предпочитала последнее, надеялась, что, несмотря на обиды, Валере радостно, что каждую ночь она думает о нем.

Бредя домой по ночному парку, Маша снова пережевывала собственные мысли и в этот раз наткнулась на что-то

новое. А может, им всем вернуться? Она продолжит жить в семье и станет просто любовницей Валеры. Да, нехорошо, но из двух зол выбирают меньшее. И почему эта простая мысль сразу не пришла ей в голову? Это бы всех устроило. Она бы не травмировала ребенка, пока Вера не станет достаточно взрослой и не сможет принять ее уход. И она бы не причиняла боль Валере. И не заставляла бы его ждать.

Одна мысль, что он может и не дожидаться, приводила ее в ужас. Да, им надо вернуться, и чем скорее, тем лучше. Тем более Миша все равно жаловался, что скучает по родине. Маша вдруг почувствовала себя счастливой. Надо предложить возвращение Мише, и чем скорее, тем лучше, пока не перегорел запал.

Миша, конечно же, не спал. Он теперь никогда не ложился спать до того момента, пока в замке не поворачивался ключ и жена не входила в дом. Жива и относительно здорова.

Муж сидел на кухне и силился отыскать в крошечной тьме ответ на вопрос, что же пошло не так и куда исчезло пусть хрупкое, но все-таки равновесие. Ответа не было. Впрочем, он знал правду, просто упрямо не желал ее признавать. Не хотел сознаваться самому себе, что потерпел сокрушительное поражение.

Маша включила свет и тихонько села на стул напротив мужа, окатив его ароматом ночи, влаги и беспокойства.

– Давай вернемся, – немного помолчав, робко предложила она.

– Куда? – бестолково спросил Миша, поднимая глаза, блинзурку щурясь от яркого света.

– Домой.

– Маша, уже поздно, ложись спать. – Миша не был расположен вести беседы, слишком устал. Бессонные ночи уже начинали сказываться на работе, и недосып грозил стать хроническим, но он упорно не желал сдаваться и позволять себе безоглядно делать все, что хочется. Где-то гулять до утра и подвергать себя опасности.

– Я говорю о том, что мы совершили ошибку, уехав, – не пожелала сдаться Маша, изо всех сил цепляясь за шанс снова стать счастливой.

– Но ведь это была твоя идея, – искренне удивился Миша, понимая, что очередного разговора не избежать, – ты ведь хотела уехать, ты же помнишь, как долго пришлось меня уговаривать! – с отчаянием воскликнул он, чувствуя все нарастающее раздражение. В последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что начал уставать от капризов жены.

Маша кивнула, признавая, что муж прав. Это ведь она бежала, увлекая его за собой. Бежала от Валеры, от его женитьбы, от себя. Конечно же, сбежать ей не удалось. Новое место не может заменить человека. Все было зря, и, наверное, Миша пострадал даже больше, чем она сама.

Ему ведь первое время действительно пришлось несладко. Изучая язык, он, высококвалифицированный специалист, был вынужден хвататься за любую низкооплачиваемую

работу, чтобы прокормить семью, – ведь сразу после переезда Маша забеременела Верочкой. Его путь к карьерным вершинам был тернист, и Миша неоднократно жаловался, что на родине мог бы достигнуть куда больших высот. И что он соскучился по родным и друзьям. По родной еде, музыке, праздникам. По привычной бестолковости и человечности.

– Да, я знаю, что это была моя идея, – смиренно покаялась Маша и подняла на мужа глаза, полные слез, – но я больше не могу здесь жить, я хочу вернуться.

Миша встал со стула и подошел к жене. Она резко подавалась ему навстречу и затаила дыхание. Вот он, поворотный момент. Он согласится, и через несколько недель она снова сможет увидеть Валеру.

Миша обнял ее за плечи и привлек к себе, целуя в волосы.

– Давай уедем, пожалуйста, – плаксиво повторила Маша.

– Нет, – прошептал муж ей на ухо, – мы останемся здесь.

Маша рванула в сторону, словно что-то хлесткое, как укус змеи или удар плеткой, попало в самое сердце, но Миша ее удержал. Резким движением снова привлек к себе и повторил еще раз, на этот раз повысив голос:

– Ни я, ни Вера – мы никуда не поедem. Это наш дом, и это будущее нашего ребенка. А если ты решишь уехать, то это твой выбор. Только знай, что больше ты нас никогда не увидишь. Потому что Веру я тебе не отдам. Не разрешу гробить жизнь дочери в угоду твоим капризам.

Миша отпустил ее, и она, пошатнувшись, отпрянула

и больно ударилась об угол стола.

Маша с ненавистью уставилась на человека, который смел калечить ее жизнь.

– Я тебя ненавижу, – прошипела она.

– Придется тебе как-то с этим жить, – с трудом удерживаясь от крика, пожал плечами Михаил и вышел из кухни, оставляя жену давиться слезами и отчаянно искать пути выхода из безвыходной ситуации.

* * *

Она легла в зале и не сомкнула глаз до утра. Когда часы пробили половину шестого, Маша откинула одеяло и даже привстала, но тут же, услышав шум из спальни, рухнула назад и притворилась спящей. Михаил, одетый в спортивный костюм, вышел из комнаты и подошел к дивану, на котором спала жена. Она выглядела такой маленькой, беззащитной и несчастной, что у него защемило сердце. Может быть, лучше отпустить ее к нему? Дать возможность стать счастливой рядом с тем единственным, кого она по-настоящему любила?

Михаил сразу же откинул эту мысль. Они уже это проходили. Но много лет назад Маша сама выбрала его, они создали семью и взяли на себя ответственность за ребенка. Все вернется на круги своя, жене лишь нужно перебеситься и прийти в себя. Он протянул руку, чтобы погладить ее

по лицу, но в последний момент решил не будить – пусть поспит, успокоится.

Маша старалась дышать глубоко и равномерно, чтобы ни в коем случае не показать мужу, что она не спит. Иначе разговора было не миновать, а у нее не было ни малейших сил на выяснение отношений. К тому же она боялась, что дрогнет. Что безыскусное «прости» или «давай все обсудим» смогут помешать тому, что она решила этой ночью. Окончательно и бесповоротно.

Оставалось лишь начать действовать, чтобы не дать себе времени одуматься. Так, как она всегда действовала в критические моменты. Быстро, четко и старательно прогоняя любые мысли и сомнения.

Она, правда, немного удивилась, почему муж ушел так рано, не взяв с собой Веру. Той ведь в школу к восьми, и Миша обычно отвозил дочь утром сам, давая Маше возможность поспать. Возможно, сегодня он решил Машу наказать и заставить саму везти Веру в школу?

Едва за Михаилом захлопнулась дверь, как Маша села и прислушалась. Сквозь тонкие стены было слышно, как супруг затопал вниз, а спустя несколько секунд хлопнула тяжелая дверь подъезда.

Маша вскочила и, схватив вчерашнюю одежду, неаккуратной грудой валяющуюся возле дивана, скользнула в нее одним движением.

Быстро написав от руки записку, текст которой она тща-

тельно обдумала ночью, Маша взяла документы, по которым ее смогут опознать, и направилась в прихожую. Прежде чем обуться, задумалась: а что, если Верочка проснется и поймет, что она одна в квартире? Испугается? Наверняка.

Маша почувствовала злость: и куда только Мишу понесло с утра пораньше? Может, лучше остаться, дожидаться его возвращения и перенести все на завтра? Но она тут же отменила эту подлую трусливую возможность краткой паузы, которую пыталась выторговать душа. Нужно действовать. Не давать себе времени на раздумье. Миша еще вернется, чтобы принять душ, переодеться и отвезти дочку в школу. Не пойдет же он на работу в таком виде? А Вера будет дрыхнуть до его возвращения, ее из пушки не разбудишь.

Маша бросила взгляд на часы – еще нет шести, но Таня наверняка уже освободилась, пьет утренний кофе вприкуску с горячим круассаном, смотрит на обрастающую суетой заправку и обдумывает планы на день. Они были бесхитростны, как и сама девушка.

Вначале она вернется в свою крохотную комнату в небольшой квартирке под самой крышей, которую она делила с другими ночными бабочками. Поспит часов до двух-трех, затем поваляется в ванной, разглядывая пестрые журналы, переливающиеся гляncем, яркими цветами и сулящие призрачное счастье. Ласково шепчущие: «Купи это, и ты станешь похожа вот на ту женщину, богатую и знаменитую, у чьих ног лежат лучшие мужчины мира».

Таня всегда велась на эту ложь. Ради циничного мифа она и сегодня обслужит еще одного или двух клиентов, а затем выйдет на прогулку, разглядывая витрины и высматривая обновки, которые смогут сделать ее счастливой хотя бы на краткий миг и приблизить к идеалу с обложки.

Убедившись в том, что дочь спит, и положив записку на кухонный стол, Маша вышла из квартиры. Мелькнула мысль о том, чтобы поцеловать Верочку на прощание, но она ее отмела. Дочка проснется, и она может дрогнуть. Уходить лучше не прощаясь, так легче. Выйдя из подъезда, Маша побежала к заправке, все ускоряясь, стараясь сбившимся дыханием заглушить собственные мысли.

– О, ты как здесь? – удивилась и одновременно обрадовалась Таня, расцеловывая подругу в обе щеки. – Что-то случилось?

Сегодня Таня была одета в те вещи, которые ей подарила Маша, и она сочла это хорошим знаком. Сейчас или никогда.

– Таня, давай уедем? – выпалила она.

– Куда? – не поняла девушка, продолжая улыбаться.

– В мою страну. Ты сможешь начать все сначала, я тебе помогу.

– Что с тобой, Маша? Зачем мне уезжать? – Таня продолжала улыбаться, но, почувствовав, что речь идет о чем-то серьезном, чуть пригасила веселье.

– Неужели тебе нравится твоя жизнь? – всплеснула руками Маша. – Все вот эти старые вонючие «голубки», убогая

комната, отсутствие других радостей, кроме шмоток?

– Ну мы же с тобой это обсуждали, это временно, – равнодушно пожала плечами Таня, допивая приторный кофе.

– Не помню, кто сказал, что нет ничего более постоянно, чем временное, – покачала головой Маша, – давай уедем. Что тебя здесь держит? А там, в моей стране, ты встретишь нормального парня, выйдешь за него замуж, родишь детишек. Все будут тебя уважать и хотеть с тобой дружить, потому что ты иностранка, а мы любим иностранцев. Ты сможешь преподавать язык, например. И покупать себе дорогие вещи. А захочешь, выучишься на психолога, да к иностранному психологу очередь на прием выстроится. Ну?

Отличительной чертой Тани была импульсивность, это Маша уже хорошо усвоила. На это и рассчитывала.

– Вот прям так сорвемся и поедем? – переспросила подруга, становясь серьезной и откладывая в сторону недоеденный круассан.

– Да, – кивнула Маша, – электричка уходит через полчаса. Доедем до аэропорта, купим прям там билеты, я проверила, самолет полупустой, они еще есть. И махнем в новую жизнь. Вернуться ты всегда успеешь.

– Но нас будут искать, – неуверенно возразила она.

– Кто? – горько рассмеялась Маша. – Твоя мать или мой муж, сказавший, что я могу катиться куда угодно?

Таня замолчала, растерянно глядя на ставшую такой родной заправку. Ее подруга была права, ее действительно ни-

чего здесь не держало. А что, если правда вот так вот взять и сделать шаг в безумие? Когда ж его еще делать, как не в молодости?

– А мы успеем заскочить ко мне, я возьму деньги и паспорт? – неуверенно спросила она.

– Да, – улыбнулась Маша, с трудом сдерживая ликование. Наверное, только самые безумные планы так легко осуществляются. Реши она проверить все заранее и тщательно подготовиться к побегу, ничего бы не вышло.

Таня жила в десяти минутах ходьбы от заправки. Почти бегом они добрались до ее дома. Документы и деньги Таня предусмотрительно отдала Маше – она сама рассеянная, отвлечется и непременно потеряет, Маша куда более дисциплинированная.

В небольшую сумку девушка кинула самое дорогое – новинки из предпоследней коллекции, любимые духи, безделушки и старенький неработающий «Ролекс», подарок одного из постоянных «голубчиков».

На вокзал они пришли вовремя. Станция была битком набита, ведь в это время большинство жителей их небольшого городка торопились на работу. Рачительные бюргеры оставляли автомобили на огромной парковке, построенной возле железнодорожного вокзала, и ехали в город на общественном транспорте, спасая планету и экономя на городском паркинге.

Маша любила местные поезда. Чистые, аккуратные, в них

можно было уютно устроиться на мягком сиденье, читать книгу, слушать музыку или просто думать о Валере. Иногда поезда ей нравились даже больше, чем собственный дом. Наверное, даже логично, если здесь все и закончится.

– Ты думаешь, у меня все получится? – дрогнувшим голосом спросила Таня, заведя приближающуюся электричку.

– Что получится? – рассеянно переспросила Маша, полностью погруженная в свои мысли.

– Ну, новая жизнь, муж, детишки, – неуверенно пояснила Таня, ощущая непонятное волнение, нарастающее по мере приближения поезда.

– Знаешь, не в них счастье. – Подруга вдруг посмотрела на нее чужими, враз потемневшими глазами.

– А в чем? – бестолково переспросила Таня.

– В любви. Без нее нет никакого смысла жить. – Последняя фраза утонула в резком гудке хищного стального поезда, отпугивающего легкомысленных пассажиров от края платформы. Маша крепко обняла Таню, на секунду зажмурилась, отступила и сделала последний шаг под оглушающий крик не вовремя обернувшихся на них пассажиров.

* * *

Плач Верочки он услышал еще на улице и припустил бегом. Что происходит? Неужели опять ссора? Или, может быть, Маша ушла, оставив ребенка одного? В последнее вре-

мя все труднее было предсказать ее мысли и поступки. Наверное, не надо было ему уходить из дома так рано. Дурацкая идея с букетом, который он решил подарить ей с утра пораньше и попросить прощения за вчерашние резкие слова. Неужели мертвые цветы способны вернуть любовь жены? Хотя... Однажды они уже помогли.

Давным-давно, после того как Маша сказала ему «нет», он просто каждый день приходил к ней домой, звонил в дверь, молча вручал букет и уходил. Так продолжалось много месяцев, вплоть до того дня, когда она, вся в слезах и с перемотанными запястьями, открыла ему дверь и сказала «да».

Всю предыдущую ночь Миша не спал и решил вернуться к тактике, которая однажды ему уже помогла, – осады и выжидания. Он не хотел быть жестоким, с ней так нельзя. Она слишком нежна и хрупка, как экзотический цветок. Этим она его и привлекла в свое время. Так непохожа на серых бесцветных девушек, учившихся вместе с ним в политехническом университете. Маша была словно птичка колибри – маленькая, яркая, венец Божьего творения. Вначале он и не думал, что сможет заинтересовать ее, но как только она поругалась с человеком, которого любила, Миша инстинктивно почувствовал, что у него есть шанс. А дальше действовал как варан – укусив свою жертву, он ходил за ней по пятам, ожидая, когда же она полностью окажется в его власти.

Ворвавшись в квартиру, он отбросил букет на тумбочку, стоявшую возле двери, и громко позвал:

– Маша! Вера!

К этому моменту у Веры уже не осталось сил кричать, она лишь судорожно всхлипывала, пытаясь поймать ускользавший воздух и побледнев до синевы. Миша, распахнувший дверь в комнату дочери, немедленно подхватил ее на руки и принялся гладить по голове:

– Ну же, милая, что случилось? Где мама?

При упоминании о маме Вера зашлась таким криком, что Миша на секунду предположил, что придется ехать в больницу. В руках девочка сжимала какую-то бумагу, и Мише показалось, что именно она причина истерики дочери.

– Что там у тебя? Покажи! – Он попытался разжать судорожно сжатый кулак, но с первой попытки ему это не удалось.

Миша попытался усадить дочь на диван, но девочка вцепилась в отца и кричала так, что он с трудом слышал звонок в дверь. Это, наверное, Маша. Но почему она не открыла дверь своим ключом? И почему ушла, оставив дочь одну? Чувствуя все нарастающее бешенство и прижимая быющую в истерике дочь к себе, Миша направился в прихожую и, распахнув дверь, непонимающе уставился на двух полицейских. Те смотрели смущенно и почему-то виновато. Вид людей в форме заставил Веру замолчать.

– Мама, – всхлипнула она, и полицейские переглянулись.

Мише показалось, что сердце рухнуло в пропасть и увлекает его за собой. Он прислонился к стене, чтобы не упасть

вместе с дочерью. Почувствовал, как слабеют руки и ноги.
– Что случилось? – с трудом прошептал он.
– Михаил Сеница? – спросил один из мужчин, постарше, сверяясь с бумагой, которую держал в руках. – Мы могли бы поговорить с вами наедине?

Он выразительно взглянул на Верочку, крепко прижавшуюся к отцу.

– Это Мария? – прошептал Михаил.

Второй полицейский, помладше, кивнул.

Миша попытался что-то сказать Верочке, как-то увести ее, изолировать, взять весь кошмар на себя, но вместо этого просто разрыдался, как ребенок, рухнув вместе с ней на пол.

20 лет спустя

С этого места ее не было видно, она проверяла. Как только они сюда переехали, Дина забралась в сад и тщательно осмотрела все вокруг, найдя укромное местечко, с которого могла безнаказанно наблюдать за жизнью той, кого ненавидела больше всех на свете.

Вероника и Злата, похожие на легкие воздушные зефирки, невыносимо прекрасные в одинаковых розовых платьях, обильно украшенных кружевом и еще какой-то дрянью, проводили фотосессию. Очередную.

Фотоаппарат был установлен немного поодаль и наверняка щелкал кадры нон-стоп. Вероника потом потратит

несколько часов, чтобы выбрать наиболее удачные снимки, отретуширует их и выложит в Сеть на любование тысячам подписчиков. И на этих фото они с малышкой будут выглядеть идеально.

Дина поморщилась, но взгляда не отвела, продолжая наблюдать. Мать и дочь сидели за красиво накрытым столом и делали вид, будто лакомятся такими же розовыми и воздушными сладостями.

– Мама, можно я это съем? – попросила Злата, хватая с блюда пирожное.

– Можно, но только понарошку, – улыбнулась Вероника и погладила дочь по голове, – ты же знаешь, что это реквизит для фотосессии. Если ты сейчас все съешь, нам будет нечего фотографировать.

– Хорошо, мамочка. – Девочка сделала вид, что кусает пирожное, а Вероника улыбнулась, наблюдая за дочерью, и погладила ее по идеальным светлым кудряшкам.

Ее взгляд был устремлен на девочку, но казалось, что она ее не видит. Сидит, задумавшись о чем-то своем, и пытается рассмотреть то, что происходит внутри.

Изящный кованый садовый столик, за которым сидели мать и дочь, прикрывала винтажная скатерть ручной работы. Стол был сервирован по всем правилам. Со своего места Дина могла рассмотреть тяжелые тарелки сливочных оттенков, льняные салфетки в специальных кольцах и замысловатые столовые приборы. Серебряные вазочки с пирожными,

конфетами, орешками, медом и вареньем. Естественно, присутствовала и замысловатая ваза с нежными цветами, и хрустальные бокалы, слепящие глаз. Наверняка домработница Вероники намывает и начищает их раз в два дня. Завершали картину изящные подсвечники с высокими золотистыми свечами. Неужели такая красота существует не только на обложках журналов, но и в реальной жизни? Неужели так можно жить каждый день?

Разумеется, Дина слышала выражение «*savoir vivre*», которое так любят французы. «Умение жить», наслаждаться каждой секундой. Пить утренний кофе не из старой щербатой чашки, а из изящной фарфоровой. Не спеша обедать за накрытым по всем правилам столом, а не уютившись в уголке кухни, раздвинув скопившийся на облезлом столе хлам. Зажигать по вечерам свечи вместо тусклой лампочки. Украшать дом в соответствии с сезоном.

Умение жить выражается в мелочах, которые ты делаешь для себя и для тех, кого любишь. Подчас бессмысленных, но, безусловно, красивых. Но где французы, а где мы, с нашим вечным стремлением выжить, успеть, урвать и дожить до конца дня без потерь.

Дина подавила тяжелый вздох, вспомнив собственную крошечную кухоньку, раскладной стол и потертую клеенку, с которой утром просто смахнула крошки прямо на пол, вяло подумав, что неплохо бы купить новую. Эта мысль посещала ее ежедневно в течение последних двух месяцев, но не влек-

ла за собой никаких действий. Клеенка и красота на кухне не входили в список ее приоритетов. Может, поэтому Родион выбрал Веронику, а не ее? Купился на красивую картинку? Предпочел домашний уют и свечи за завтраком (Дина знала, что в зимнее время года Вероника зажигает их по утрам, чтобы с помощью теплого мерцания огня бороться с плохим настроением).

Да что тут говорить – Вероника даже варила пошлейшее какао с зефирками и ходила по дому в уютных высоких носках и длинном свитере, как в рекламе дорогой одежды для дома. В то время как она, Дина, не могла позволить себе ничего, кроме плотного спортивного костюма или старого халата, призванного скрыть лишние килограммы, которыми она обзавелась после разрыва с Родионом.

Нет, он не мог предпочесть красоту интеллекту и доброте – Дина решительно отмела эту мысль. Все дело было в детях. Именно из-за них он ушел к Веронике.

Дина почувствовала, как тупой железный прут снова вонзился куда-то под ребра, боль перехватила горло, и идеальная картинка поплыла перед глазами.

Сколько раз ей хотелось вот так задохнуться. Умереть за несколько секунд, чтобы покончить с этим всем. Держало на плаву лишь понимание: красота – это морок, наваждение, туман. Стоит зажечь яркий свет, а не мещанские свечи, и все рассеется, рассыплется на тысячу мелких кусочков, словно вампир от луча солнца.

Идеальных семей не бывает. И идеальных детей тоже не существует. Как там говорил Толстой, знавший толк и в детях, и в семейной жизни? «Все семьи счастливы одинаково, а несчастны по-своему»? Наверняка бывают моменты, когда Злата и Роберт (вот уж имена придумала!) орут, капризничают, кидаются едой и доводят Родиона до бешенства. Ее бы наверняка доводили. Будь она на месте Родиона или Вероники. Будь она на своем месте и не соверши она тогда ошибку – не познакомь лучшую подругу с любимым мужчиной и не Расскажи ей о страшном диагнозе. А спустя пару месяцев диагноз показался не таким уж и страшным. Что значит неспособность иметь детей против того, что человек, которого ты любишь больше жизни, ведет под венец твою лучшую подругу?

Именно тогда она сломалась. Отказалась от собственной жизни. Точнее, нет, не так. Она почему-то начала жить жизнью толстой неопрятной тетки, которой наплевать на все вокруг, кроме собственной боли, в то время как ее настоящая жизнь, украденная Вероникой, была там – в социальных сетях.

В своей настоящей жизни Дина проводила на Мальдивах идеальный медовый месяц с Родионом. Оттуда же она привезла под сердцем идеальную малышку Злату. Это она родила, как по учебнику, а Родион трепетно держал ее за руку и заплакал, взяв на руки их первенца. А затем у них родился сын. Конечно, в идеальном мире таким мужчинам, как Ро-

дион, всегда рожают сыновей.

Вот это была ее настоящая жизнь, которой почему-то жила Вероника. А в этой, чужой, Дина осталась без работы, потому что все внимание и энергию направила на создание фейковых профилей в интернете, с которых она пыталась донести правду до наивных «сетевых хомячков» бывшей лучшей подруги. Она неустанно призывала их – очнитесь! Неужели вы не понимаете, что вам навязывают химеру? Что идеальной жизни не существует? Неужели вы сами не чувствуете ущербность и неудачливость, разглядывая лживые картинки, которые вам пытаются выдать за истину? Дина убеждала себя, что выступает неким цифровым мессией, помогает людям не сойти с ума и не утонуть в пучине комплексов, подглядывая за идеальной жизнью Родиона и Вероники и безуспешно примеряя ее на себя.

Конечно, Веронику война Дины за правду раздражала. Она постоянно блокировала ее в сетях (трусливая стерва, боящаяся посмотреть правде в глаза!), но Дину это не останавливало, она все создавала и создавала новые профили.

Из-за бесконечных часов, проведенных за компьютером, в котором сейчас сосредоточилась вся ее жизнь, она начала набирать лишний вес. Она, конечно, пробовала бороться, даже выходила на улицу и пыталась бегать. Занималась йогой, практиковала интервальное голодание и даже один раз сходила в спортзал, но ничего не помогало. Каждое утро весы показывали небольшую, но прибавку в весе, и в конце

концов Дина перестала взвешиваться.

Вообще-то, в самом начале, когда все произошло, она собиралась познакомиться с достойным мужчиной и утереть нос Родиону с Вероникой. Дина зарегистрировалась на всех возможных сайтах знакомств и принялась ждать чуда. Но все обитатели виртуальной фабрики личной жизни оказывались либо извращенцами, либо побитыми жизнью индивидами, искавшими утешение и собиравшимися загрузить и без того сложную жизнь Дины еще и своими проблемами. Впрочем, кого она обманывала? Даже попадись ей беззаботный мистер Вселенная, он бы все равно оказался недостаточно хорош по сравнению с Родионом. Мужчиной всей ее жизни был именно он. И рано или поздно она его вернет.

* * *

Стараясь не менять выражение лица и старательно следя за тем, чтобы голос не дрогнул, Вероника продолжала разговаривать с дочерью, а сама украдкой посматривала по сторонам в поисках телефона. Наконец вспомнила и чуть не заорала от обиды. Какая же она дура! Увлеченная подготовкой к фотосессии, она оставила его дома. Забыла, что телефон следует держать под рукой, чтобы иметь возможность в любой момент позвать на помощь. И, конечно же, такой момент наступил, а телефона рядом нет. А вдруг эта сумасшедшая сейчас бросится на нее? Или на Злату? Если дочь пострадала

ет, Родион ей этого никогда не простит. Все чаще в последнее время ей казалось, что муж любит дочь больше, чем ее.

Вероника почувствовала, что вспотела. Надо прекращать фотосессию и осторожно заходить в дом. Главное, ничем не выдать себя и не спровоцировать Дину. Вид у той был безумный. Растрепанные волосы – кажется, она совсем перестала мыться и расчесываться. Мятая одежда, вся в пятнах. Наверняка от нее воняет. Вероника поморщилась – бывшая подруга выглядела как человек, отчаянно нуждающийся в душе.

– Златочка, беги домой. – Вероника попыталась улыбнуться дочери, но чуть не поперхнулась улыбкой. Закашлялась.

– Мы закончили? – с надеждой и облегчением спросила девочка, а ее мать неожиданно почувствовала глухое раздражение. Неужели она просит о многом? Просто посидеть час-другой с ней в саду и попозировать. Кажется, Злата ненавидит эти фотосессии, но неужели так сложно сделать усилие ради матери? Мало ли что ненавидит она, Вероника. Например, она ненавидит рано вставать, когда просыпаются дети. Ненавидит готовить, убирать и по десять раз в день собирать разбросанные игрушки. А еще больше она ненавидит, когда ее тревожат в душе или в туалете. И то, что у нее нет возможности спокойно выпить кофе утром. Но она же не жалуется!

Силой мысли Вероника заставила внутренний голос заткнуться. Сейчас главное – убраться подальше от этой сумасшедшей, пожалеет себя после.

Злату не нужно было просить дважды – дочка уже скрылась в доме, наверняка побежала в свою комнату, играть в куклы. Через пять минут придет просить, чтобы мать к ней присоединилась. Господи, как же она ненавидит эти игры! Говорить идиотским тонким голосом, разыгрывая одни и те же сцены (больше всего Злате нравилось играть в поход на пляж или в день рождения). По двадцать раз переодевать тупых Барби с застывшими дурацкими ухмылочками, наливать им несуществующий чай, причмокивать и присюсюкивать, нахваливая нелепые пластилиновые угощения, которые в промышленных объемах лепила Злата. Игры с дочерью не доставляли ей ни малейшей радости. С этим, наверное, надо родиться.

Старательно глядя в сторону, чтобы ничем себя не выдать, Вероника быстро приблизилась к фотоаппарату и, схватив его вместе со штативом, быстрым шагом направилась в дом. И только закрыв за собой стеклянную дверь веранды (какая же она дура, надо было не форсить, а слушать Родю и не менять обычную стену с окном на стеклянную, которую так легко разбить при желании!), плотно задернув тяжелые шторы (ни за что не раскроет их, пока Родион не приедет), она набрала номер мужа.

Прикусила до крови хорошенькую пухлую губку и почувствовала привкус помады. Та горчила. В «коробки красоты», которые ежемесячно приходили к ней из разных уголков Европы, время от времени клали просроченные продук-

ты. Но прельщенная яркой и стильной упаковкой, она всегда забывала посмотреть на срок годности косметики, перед тем как открыть ее и начать пользоваться, и иногда попадала впросак. Как и сегодня, соблазнившись оттенком спелой малины, она намазала губы новой помадой и ужасно страдала, ощущая прогорклый запах, а теперь еще и вкус. Но на фото будет выглядеть красиво, утешила себя Вероника. «Спелая малина» ей необычайно шла.

Родион ответил после пятого гудка. Сердит. Он уже много раз объяснял ей, что если не отвечает после третьего, значит, занят, пусть подождет, пока он сам перезвонит. Но сегодня она не могла ждать.

– Она здесь, – прошептала Вероника в ответ на недовольное «алло» и наконец-то дала волю слезам.

* * *

– Там никого нет, – в третий раз повторил Родион трясущейся то ли от страха, то ли от холода жене, сидящей на высоком неудобном, но стильном барном стуле и держащей в руках чашку с дымящимся чаем.

– Но я ее видела, – капризно повторила Вероника, делая глоток и тут же морщась, обжегшись.

Родион с жалостью посмотрел на жену, в последнее время та все чаще стала звонить ему посреди дня с жалобами на то, что ее бывшая лучшая подруга ходит вокруг дома. Вначале

он срывался по первому звонку, но сейчас было все сложнее отпрашиваться с работы. Он много раз предлагал Нике просто поговорить с Диной и попросить у нее прощения за то, что так получилось. Даже сам хотел принять участие в разговоре, но жена паниковала от одной мысли. Начинала плакать и причитать, что Дина ее убьет.

Родион считал это преувеличением и бабской истерикой. За те годы, что он провел с Диной, он успел понять, что та безобидна и здравомысляща, прекрасно владеет собой и не способна причинить вред даже мыши. Она даже на откровенное хамство всегда реагировала улыбкой или же спокойным молчанием, а затем уговаривала разбушевавшегося Родиона, что хам себя так ведет не от хорошей жизни.

Впрочем, это было «до». После всего случившегося Дина сильно изменилась. Кто знает, какой ад на самом деле творится у нее в душе. Именно поэтому он и мчался домой после звонков жены. Родион ведь и подумать не мог, что солнечная, спокойная Дина так поведет себя, когда вскроется вся правда об измене. Дальше этого момента в собственных воспоминаниях Родион предпочитал не заходить, малодушно и трусливо сворачивая на безопасную дорожку, на которой Дина впадала в безумие от новости о собственном бесплодии, а вовсе не из-за их предательства.

Он тяжело вздохнул и с жалостью посмотрел на трясущуюся Веронику. Родион любил жену. После тихой заводи Дины бурный водопад эмоций по имени Вероника был живи-

тельной влагой, но в последнее время ему все сложнее было справляться с ее приступами страха и паники. Да и после рождения сына все изменилось, словно треснуло и испортилось, подходя к той тонкой грани, за которой притаилась точка невозврата. Она была уже совсем близко.

– А где в этот момент был Роберт? – Родион тряхнул головой, словно мокрая собака, стряхивая с себя чувство собственной вины.

– Роберт? – Жена непонимающе моргнула, словно позабыв, что, кроме нее самой и дочери, в ее жизни есть еще и маленький сын. – Роберт спал, – не очень уверенно сообщила она.

– То есть ты оставила ребенка в доме одного ради очередной фотосессии со Златой? – Жалость улетучилась, и Родион почувствовал, как гнев, словно снежная лавина, подступает все ближе и грозит поглотить с головой.

– У меня есть радионяня, – пролепетала Вероника, слишком поздно осознавая, что зря она это упомянула.

Родион беглым взглядом окинул кухню и увидел «няню», лежащую на барной стойке. Ника оставила ее в доме, чтобы звук не мешал записывать видео.

Медленно Родион подошел к «няне» и убедился в своей догадке – звук выключен. Он с силой сжал ни в чем не повинный прибор в руках, с трудом сдерживаясь, чтобы не запустить им в стену и не заорать.

В последнее время приступы гнева участились, и ему

все сложнее было с ними бороться. Отвернувшись от жены, чтобы выдохнуть, Родион уставился на фасад кухни, украшенный их многочисленными совместными фотографиями. На них они выглядели куда более счастливыми, чем были на самом деле. Пестрый фасад был придумкой Ники, он отлично смотрелся в соцсетях.

– Роберт крепко спит. Или я что, должна сидеть над ним и мух отгонять? – Поставив чашку на барную стойку, Вероника повела плечами и непонимающе уставилась на мужа. О чем он только думает, когда ее здоровью и даже жизни угрожает опасность! – Родя, ты слышишь вообще себя?! Я ведь тебя позвала из-за Дины. Мы должны что-то с ней сделать, – решительно заявила она, соскальзывая с барного стула и подходя к Родиону. Одета в розовое зефирное платье, с макияжем и тщательной укладкой, она удивительным образом стала похожа на одну из так презираемых ею кукол Барби. Такая же красивая и бессмысленная.

– Нет, милая, для начала мы должны что-то сделать с тобой. – Досчитав до десяти и загнав собственный гнев в отдаленный уголок мозга, Родион наконец-то решился озвучить то, что мучило его уже долгое время.

– В каком смысле? – опешила Ника, собиравшаяся было поцеловать мужа, но, услышав угрозу в его голосе, отступившая на шаг назад.

– В прямом. В этом месяце ты заказала из Англии пять пар платьев, – начал перечислять Родион.

– И что? Это для меня и Златы, – пожала плечами жена, бледность на красивом лице уступила место лихорадочному румянцу.

– Я понимаю, что не для меня с Робертом, – не удержался Родион и снова глубоко вдохнул, пытаюсь взять себя в руки, – но это ненормально. Десять платьев, которые вы никогда и никуда не наденете, кроме этих твоих дурацких фотосессий. Злата вырастет из них уже в следующем году, а ты же не будешь разгуливать по улицам в виде Барби?

– Ты что, жалеешь для меня денег? – бестолково моргнула Вероника, действительно не понимая, в чем он ее обвиняет. Любимая папина дочка, никогда ни в чем не знавшая отказа.

– Да нет же, милая, нет, – Родион подошел к жене и взял ее за плечи, попытался говорить как можно более ласково, – я просто прошу тебя быть более рациональной. Ты слишком ушла в виртуальный мир. Такие деньги, только чтобы впечатлить людей, которых ты даже никогда не видела! Тебе не кажется, что это... – он запнулся, пытаюсь подобрать правильное слово, – это ненормально?

– Ненормально? – прошипела Вероника, раздраженным жестом смахивая руки мужа. – Ненормально? Я, между прочим, лидер мнения в двадцатке ведущих блогеров области и зарабатываю на рекламе!

– Да, все так, – поспешно согласился Родион и поймал жену за руку, – но пойми ты, миски для салата или стиральный порошок, который тебе дарят, они в десять раз дешевле то-

го, что ты тратишь на сети! Плюс оставлять ребенка в доме, чтобы сделать пару красивых кадров, это тоже не очень ответственно...

Родион не успел договорить, как жена взорвалась.

– Что ты хочешь сказать? Что я дерьмовая мать? Да он спал, спал, понимаешь? – заорала она. – Или, кроме детей, у меня нет другой жизни? Даже если бы он проснулся, что бы произошло? Я бы услышала плач и поднялась к нему. Я не могу жить только детьми, эти соцсети, они для меня все, потому что меня самой нет. Есть только дети, дети, дети!

Не выдержав, Вероника разрыдалась, а Родион, прижав жену к себе, принялся гладить ее по волосам и утешать, словно маленькую. Какая ирония. Вероника легко беременела и рожала, но дети никогда не были для нее смыслом жизни. Возможно, наложило отпечаток то, что сама она выросла без матери, а может быть, это все на уровне инстинктов. Психологи наверняка могли бы это как-то объяснить. Сам Родион не очень хорошо разбирался в таких вещах, но не мог не думать о том, что Дина никогда бы не бросила малыша ради пары удачных кадров. Впрочем, насколько хорошо он знал Дину? На этот вопрос он и сам не мог ответить.

– Ты жалеешь, что женился на мне, – вдруг выпалила Вероника во внезапно наступившей тишине. Родиону даже показалось, что он ослышался. Сделав шаг назад, он с удивлением посмотрел на жену.

– Что? Да нет же, глупышка, о чем ты? Я просто призываю

тебя быть более разумной.

– Нет, жалеешь, – упрямо повторила Вероника и сделала несколько шагов назад, – ты поэтому не хочешь меня защитить. Тебе будет лучше, если она меня убьет?

Гнев, тщательно загнанный в дальний уголок мозга и сердца, все-таки вырвался наружу.

– Это бред, – тщетно пытаясь удержаться от крика, выплеснул Родион. Схватившись за узел галстука, слишком тесно сжимавшего горло, он рванул его в сторону.

– Нет, это не бред! – Жена уже вошла в раж и не собиралась сдаваться. Голубые, как небо их далекого и счастливого лета, глаза покраснели и покрылись сеткой лопнувших сосудов, волосы растрепались, придав ей сходство с заброшенной ветреной хозяйкой куклой, одежда помялась и съехала набок. Ничего общего с мисс Совершенство из социальных сетей.

– Я не намерен это обсуждать. – Зная, что подобное состояние жены может закончиться битой посудой и даже физическим насилием, Родион решительно направился к двери. После их прошлой ссоры ему пришлось в разгар летней жары неделю ходить в футболке с длинными рукавами, скрывая следы от побоев и укусов жены.

– Ты меня ненавидишь! – зашлась в крике Вероника, и тут же в унисон раздался детский плач. Роберт проснулся.

Первой мыслью было собрать детей и уехать с ними из дома, дав жене время успокоиться, но Родион отверг ее – у него

совещание в разгаре. Всю злость и раздражение он вложил в резкий хлопок входной дверью. Истеричка.

Захотелось пойти вечером с друзьями в бар и напиться. А почему бы, собственно, и нет? В конце концов, он тоже имеет право на отдых.

* * *

Порой незначительные решения, которые мы принимаем, имеют роковые последствия, накладывающие отпечаток на всю нашу последующую жизнь. Как тот перекресток, перед которым неизменно оказывается богатырь из сказки. Направо пойдешь – смерть найдешь, налево свернешь – богатство, а прямо – ждет тебя любовь.

Оказываясь на перекрестке, мы, как правило, редко задумываемся, почему отдаем предпочтение тому или иному пути. Потому что ласково светит солнце, а на дороге, что уходит вправо, есть возможность немного понежиться в теплых лучах?

Потому что тот путь, что лежит впереди, короче? Потому что дорога по левую руку пусть и длиннее, но пологая, а не извивается змеей в гору? Как правило, выбор продиктован удобством и ленью. Редко когда мы полагаемся на рациональность и еще реже прислушиваемся к интуиции.

А ведь прислушайся Родион в тот день к собственному разуму, твердившему, что не стоит оставлять жену с детьми

в таком состоянии, он бы никогда не пошел в бар с другом и не просидел бы там почти до закрытия. Он бы не отключил телефон, злясь на жену и стараясь избежать очередного витка скандала. Он бы сам сел за руль, а не вызвал такси, которое завезло его в другой конец города с целью сделать поездку более дорогой. Если бы, если бы...

Если бы он мог повернуть время вспять и оказаться на том самом роковом перекрестке, он бы вообще никуда не ушел и остался бы дома, дождавшись, пока успокоится Вероника. Удостоверившись, что она в полном порядке, взял бы на себя детей и, возможно, вечером выбрался бы с ними куда-то в семейный поход. В кино? Да почему бы и нет? Роберта они могли бы отвезти его родителям, они все время жалуются, что редко видят внуков. Кстати, почему? Вероника же постоянно твердит об усталости, так что ей мешает чаще отдавать детей бабушке? Надо будет с ней это обсудить. Впрочем, если ему еще предстоит когда-нибудь хоть что-нибудь с ней обсудить.

Дом встретил его распахнутой дверью и светом во всех комнатах. Детским плачем и фантасмагорией в лучших традициях кровавых боевиков. И того фильма про исчезнувшую женщину, которая своим исчезновением решила наказать непутевого мужа. Это было первое, что пришло ему в голову, едва он переступил порог дома и, пошатнувшись, ухватился за дверную ручку. Мир резко закрутился перед глазами, и к горлу подступила тошнота.

– Что... Что это? – только и смог выдавить Родион перед тем, как, развернувшись, кинулся прочь и выплеснул на идеальную лужайку содержимое желудка, в котором с утра практически ничего не было.

– Родион Сергеевич? – Находившийся в доме полицейский предусмотрительно оказался рядом и встал так, чтобы заблокировать ему пути отхода. – А мы вас везде ищем.

Несколько раз глубоко вдохнув, Родион поднялся с колен, машинально отметив, что тонкая ткань брюк промокла от вечерней росы. Вытерев рот, он наконец-то нашел в себе мужество посмотреть на полицейского. Лет сорок, немного лишнего веса, лицо добряка и рубахи-парня, но все впечатление портили мертвые глаза. Полицейский безмолвно в чем-то его обвинял. Только вот в чем? Догадку Родион побоялся сформулировать.

– Что случилось? – выдавил он, обдав полицейского несвежим дыханием, и сам поморщился – ему нужно в ванную, почистить зубы. Интересно, они ему разрешат? А почему, собственно, нет, он же ни в чем не виноват. Хотя в чем он может быть виноват?

Мысли, как раненые птицы, носились в голове, сталкиваясь друг с другом, kloкочa и переругиваясь, нанося друг другу кровавые раны стальными клювами.

– Что случилось? – бестолково повторил он.

– А мы думали, это вы нам расскажете, Родион Серге-

евич. – Полицейский принялся теснить его по направлению к дому. Внезапно Родиону стало страшно и холодно. Он с трудом поборол в себе желание схватить полицейского за грудки, хорошенечко встряхнуть и заорать прямо в лицо.

– Что с моей женой? – только и сумел снова выдать он.

– А почему вы сразу спросили о жене? – немедленно прицепился к фразе полицейский. Ищет виновного, это ясно как божий день.

– Это дети? Кто? Роберт или Злата? – выдохнул Родион, чувствуя слабость в ногах, и, наверное, он бы даже упал, если бы не поддержка полицейского. Стальной рукой тот завел его в дом и усадил на мягкий пуфик, стоящий возле входа и стоивший целое состояние. Помнится, они даже поругались с Вероникой из-за него. Родион не понимал, почему нельзя обуваться на обычной табуретке. Господи, из-за какой же ерунды они ссорились!

– С вашими детьми все в порядке, – женский голос. Родион с трудом заставил себя поднять потяжелевшую голову и посмотреть на говорившую женщину. Соседка, кажется, она недавно переехала. Он не знал ее имени, да никогда и не интересовался. Лицо, уже тронутое первыми признаками осени, неожиданно показалось знакомым. Невысокая, темноволосая, где же он мог ее видеть?

Родион закрыл глаза и прислонился к стене, чувствуя, что куда-то отплывает.

– Родион Сергеевич, вы меня слышите? – Полицейский

не дал ему переместиться в другое измерение. – Когда вы в последний раз видели вашу жену?

Значит, все-таки Вероника.

– Сегодня днем, а что случилось? – Каким-то нечеловеческим усилием он заставил себя открыть глаза, сесть и уставиться на полицейского. На секунду показалось, что у того во взгляде промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Хотя нет, показалось.

– Вы были сегодня днем дома, а не на работе? Почему? – немедленно вцепился в информацию полицейский.

– Вы мне скажете, что случилось? – вдруг заорал Родион и, вскочив, уже собрался ударить бездушное чучело, но его руку мягко остановили. Та женщина, неизвестно что делающая в его доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.